

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44
Р79

Серия «Чай, кофе и убийства»

Jennifer Rowe

LAMB TO THE SLAUGHTER

Перевод с английского *У. В. Сапциной*

Серийное оформление и компьютерный дизайн

В. А. Воронина

Печатается с разрешения автора
при содействии литературного агентства Author Rights Agency.

Роу, Дженнифер.

Р79   Агнец на заклятие : [роман] / Дженнифер Роу ; [пер. с англ. У. В. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-102213-6

Самое жуткое дело Верити Бердвуд!

Когда Дафну Лэм, дочь богатого фермера, обнаружили жестоко убитой, ни у кого – от соседей до полицейских – не возникло и тени сомнения: конечно, ее прикончил муженек Тревор, этот хулиган, пьяница и бабник, без зазрения совести использовавший свою яркую внешность, чтоб выкарабкаться из нищеты!

Никого не волнуют детали: ни что еле живой Тревор найден по соседству в разбившейся машине, ни весьма необычная рана, оставленная бесследно пропавшим орудием убийства... никого, кроме адвоката Джуда Грегориана, старого друга Верити, который чудом добивается оправдания Лэма. Однако не успевает тот возвратиться в родной городок, как убивают и его.

Возможно, преступник не поверил адвокату и хотел отомстить за Дафну? Или виной всему вскользь брошенные в пабе слова Тревора, что он знает имя убийцы?..

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Jennifer Rowe, 1953
© Перевод. У.В. Сапцина, 2017

ISBN 978-5-17-102213-6 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

— Кончено. Его выпускают.
Голос мужа прозвучал громко и совсем рядом, но Долли Хьюит не обернулась. Прижавшись к краю блестящей раковины, она крепко вцепилась в картофелину, которую чистила. И не сводила глаз с собственных тонких пальцев. Мокрых. В мазках и пятнах грязи от кожуры.

— Слышала, что я сказал?

Долли кивнула. Слышно было сиплое дыхание за ее спиной. Она заставила себя вновь заработать руками. Картофелечистка заскребла картофелину, соскальзывая с бугристой красно-бурой поверхности и срезая не всю кожуру. Нахмурившись, Долли по-другому наклонила картофелечистку. Нужно как следует почистить картошку. Муж не любит, когда в пюре попадают бурые вкрапления.

— Помилован. Так объявили в «Новостях». Я сам слышал в пабе. «Тревор Лэм, осужденный пять лет назад за убийство жены, сегодня был помилован...»

Долли тоже слышала это. «Жены...» Даже имени Дафны не упомянули.

— Помилован. Этот человек убивает нашу дочь, проводит пять лет за решеткой, потом сердобольный юрист пишет какую-то книжонку, и губернатор заявляет: «Так, все ясно, горемычный ты сукин сын; считай, ты уже отмучился. Всего-то и вины на тебе — убийство собственной жены. Проваливай, свободен!»

Он помолчал.

— Ну? Скажешь хоть что-нибудь? Или так и будешь стоять здесь как истукан?

Долли облизнула сухие губы:

— Говорят, это не он сделал. Не Тревор Лэм.

Произнести это имя через пять лет было непросто. Язык не слушался. Собственный голос казался незнакомым. Надтреснутым и слабым. Она по-прежнему смотрела на свои руки. И они вдруг тоже стали странными. Как чужие. Старые, сморщенные, напоминающие когтистые птичьи лапы. Ногти обломанные, ужасные. Она уставилась на них. А ведь раньше были хорошенькие ноготки. Долли удивилась: когда же они успели так измениться? Давно стали такими? Вроде только вчера... Или ей вспомнились руки Дафны? Гладкие, ловкие ручки маленькой женщины, которые помогали со стиркой, вели Императора в конюшню, наклоняли бутылку с молоком, чтобы напоить сиротку-ягненка, переворачивали страницы журнала, кормили кур, отводили со лба обвисшие жидкие прядки материнских волос. «Не хмурься, мама. Морщины появятся».

— Не он? Конечно, он! — Голос мужа словно ударил ее по ушам — хриплый, полный неистовой ярости и боли. — Надо было мне прикончить мерзавца. Знал ведь! Еще тогда нужно было пришить его. Этот его кретин братец говорит, что он явится сюда. В Хоупс-Энд. Завтра. И вот что я тебе скажу, Долли. Пусть только посмеет. Пусть попробует, и...

Долли Хьюит упорно смотрела на свои пальцы. На мокрые и перепачканные скрюченные птичьи лапки на фоне картофельных очистков в раковине.

Муж издал придушенный рык. И вышел.

Энни Лэм села на ступеньке веранды и плеснула в чайную чашку сладкого хереса.

— Твое здоровье, Трев! — сказала она, сделав глоток и с наслаждением побултыхала сладкую жидкость

во рту, между беззубыми деснами, и проглотила, как теплый тягучий мед.

В конце дня на веранде все еще было жарко, хотя и не так, как в доме. А уж в доме-то вообще нечем было дышать. Даже мухи дохли на лету. И если передвигались, то ползком. Ну и жарища, думала Энни, оттягивая свободный ворот своего платья в цветочек и обмахиваясь им. Чертова жара. Если повезет, завтра спадет — к приезду Трева. Пот струйками стекал между ее огромными грудями, щекотал их, как муравьи. Утирая его, она заметила, что на дощатом полу веранды, прямо возле ее руки, распластался драный журнал. Энни отпила еще немного. И на сей раз проглотила херес сразу.

Откуда-то снизу донесся шорох, и у нее промелькнула мысль о змеях. Энни поджала голые и широко расставленные пальцы ног, обутых в резиновые шлепанцы из ремешков; но почти сразу сообразила, что это всего лишь Джейсон.

— Баб, у тебя платье задралось, снизу видать! — заявил он и заржал, грубо и фальшиво, как в мультике.

— Вот я тебе задам, паршивец! — привычно пригрозила Энни. — А ну кыш оттуда! Где твоя мамаша?

— В паб умотала. С дядей Чудиком. Это сначала, а потом с дядей Китом и Лили. И с Грейс.

Энни снова отхлебнула из чашки.

— Нет чтоб меня позвать, — пробурчала она.

Ушли, значит, и бросили старуху мать на произвол судьбы. Да еще в такой день. Ну и что ей теперь, самой заваривать чай?

— Так ты спала, — напомнил Джейсон и извиваясь выполз из-под веранды и скорчил рожу. — И храпела! Бе-е, гадость.

— Да ну? — Энни утерла рот ладонью.

Она осмотрела двор перед домом, давно знакомый хлам — гниющие доски и ветки, поломанные детские игрушки, ржавеющие кузова машин и бутыл-

ки. Какое же все вокруг старое и унылое, думала Энни. А ведь прежде здесь кипела жизнь. Еще при Милти. Когда дети были маленькими. В те времена тут чего только не творилось. Дети. Девятерых — вот сколько она родила. Не считая выкидышей. Их было три. Или четыре? Неудивительно, что ее так разнесло.

Энни прищурилась, глядя на двор и мысленно населяя его призраками детей из прошлого. Нахмурилась, вспоминая их по порядку. Особенно важен был порядок. Иначе она порой кого-нибудь забывала.

Вон там, у старого доильного станка, — Бриджит, старшая: веснушчатое серьезное лицо, длинные каштановые косы мотаются по спине, командует всеми вокруг. А вон там — Микки, торчащие коленки и огненно-рыжие вихры. Никто не знал, в кого у него такие волосы. После того как родился Микки, Милти поглядывал на нее косо и подозрительно. Энни самодовольно усмехнулась. Да, было времечко...

— Ну ба-аб! — позвал Джейсон.

Она нетерпеливо отмахнулась от него. Сначала надо покончить с одним делом. А вон там — Джонни, шуплый и смуглый, пристроился, как мартышка, на изгороди, вернее, на том, что от нее осталось. На него глядит Бретт, светловолосый и коренастый, весь в деда. Рослый для своих лет Кит, точная копия Милтона, хмуро посматривает на Бриджит. У бочки Сесилия, розовая и хорошенькая, со спутанными светлыми кудряшками, играет с лысой куклой, — у нее свой мир.

Поодаль, под старым ветряком, — близнецы Тревор и Розали. Эти двое всегда вместе, возятся друг с другом, как щенята. И наконец, Пол. Тихий и осторожный малыш Пол. Ее младшенький, последний из выводка.

Она родила бы еще, да Милтон не захотел. Он вообще мало чего хотел с тех пор, как в последний раз отсидел за решеткой. Разве что завалиться в паб

и накачаться пивом. А к ней даже близко не подходил. Присмирел, хвост поджал — так Энни думала.

Вот и стал малыш Пол последним. Пол. Чудик, как его сейчас кличут. Зря она разрешила ему ввязаться в эту затею с боксом. Деньги того не стоили. Однако Пол все еще дома. Не то что остальные. Все они бросили ее, один за другим.

Где Микки, никто из них не знал. Может, его и в живых-то уже нет. В шестнадцать лет сцепился со своим отцом, потом куда-то скрылся, и с концами.

Затем настала очередь Бриджит — самой старшей из детей, ее первенца. А все по милости этой настырной мерзавки Долли Хьюит, которая забила ей голову всякой чепухой: мол, расти нужно, меняться к лучшему. Куда уж лучше-то? Да кто она такая, эта Долли Хьюит, чтобы решать, что и как лучше для Бриджит? Если Долли, школьная учительница, умеет говорить складно и жеманиться, да еще выскочила за этого богатого стервеца, Леса Хьюита, — что ж она теперь, Господь Бог?

Энни снова отхлебнула хереса.

Бриджит подцепила какого-то жлоба, хозяина газетного киоска откуда-то с севера. Нарожала детей, но в Хоупс-Энд ни ногой. Только открытки шлет на Рождество: «С любовью, Бриджит, Брайан, Холли и Тереза». Вот и все вести от Бриджит. Даже адреса ее никто не знает.

А Бретт — тот вырос бродягой. Дома бывает, но наездами. Когда в кармане пусто. Случается, что и в каталажку попадает. Он всегда был невезучим, Бретт.

Сесилия укатила в город через год после того, как ее отец и Джонни разбились на машине. В том же году, припомнила Энни, Розали родила Джейсона. Восемь лет назад. Или девять. Сесилия поначалу вроде не пропадала, держала связь с родными, а потом

ударилась в религию. Да еще чудную такую, где головы бреют и мяса не едят. А жаль, волосы у Сесилии были красивые. И аппетит хороший. В общем, и от нее несколько лет ни слуху ни духу.

Так и остались в семье только Энни, Кит, эта пота-скушка Лили, с которой он сошелся, Розали с двумя детьми — Грейс и Джейсоном, — Пол... и Тревор.

Энни поерзала на ступеньке. Чуть не забыла! Тревор-то завтра возвращается.

— Слышал, твой дядя Трев завтра приедет домой? — спросила она Джейсона. Он, конечно, еще малец, но пока потолковать больше не с кем.

— А то! — Джейсон шмыгнул носом и сплюнул на землю, подражая какой-то звезде американского бейсбола. — Мать говорила. Потому они и ушли в паб. Отмечать. А мне велели остаться здесь и сообщить тебе. Привести тебя туда. Когда ты проснешься.

Энни уставилась на мальчишку. Его тощая фигурка немного расплывалась по краям перед ее глазами. В жару с хересом шутки плохи, подумала она. Пора бы запомнить.

— Так чего же не сказал?

— Да я хотел, но ты не слушала. Только рукой на меня махала.

Энни завинтила крышку фляжки с хересом и аккуратно пристроила пустую чайную чашку за столбиком веранды. Потом поднялась и одернула платье, прилипшее к потному телу.

— Пойдем! — поторопила она. — К черту этот чай!

— Да, — кивнул Джейсон и оживился. — Чипсов в пабе поедим! Отметим.

Энни направилась через двор, обходя хлам; шлепанцы хлопали ее по пяткам на каждом шагу. Джейсон приплясывал от нетерпения, подгонял Энни, но она не спешила. До паба рукой подать. А времени — хоть отбавляй.

У Бейкера по прозвищу Цикада, хозяина паба в Хоупс-Энде, зал был заполнен. Местные начали стекаться сюда сразу после четырехчасового выпуска новостей. Он ждал их. Разумеется, в первую очередь Лэмов. Ну, Кит, Лили, Чудик и Розали и так были у него завсегда-таями. Но теперь пикапы и побитые «форды» теснились на пыльной обочине дороги напротив паба, уткнувшись капотами в тень под перечными деревьями и поджаривая кузова на солнце. Среди них затесалась даже пара тракторов и бульдозер «Бобкэт» Быка Трюса. Похоже, в округе не осталось никого, кто позабыл бы включить радио в четыре часа. Все услышали, что Тревора Лэма выпускают. И всех внезапно одолела жажда.

— Говорят, он сразу сюда и вернется. А Большая Сью как, не возражает? — усмехнулся Бык Трюс, мотнув головой в сторону буфетчицы паба. Он подтолкнул два пустых стакана по стойке бара и принялся хлопать себя по карманам в поисках денег. — Два средних, пожалуйста.

— А я почему знаю? — буркнул Бейкер, не удивляясь тому, что Бык уже знает о скором приезде Лэма в Хоупс-Энд.

Здесь новости распространялись с быстротой пролитого машинного масла: только что была маленькая лужица, а через минуту оно уже повсюду. Бейкер сгреб стаканы, сунул их ополоснуть в раковину на решетку, снова наполнил и подтолкнул по стойке к клиенту. Потом смахнул в ладонь монеты, которые выложил столбиком Бык, и отвернулся, чтобы отсчитать сдачу. В пабе Хоупс-Энда чаевых не признавали.

У Быка Трюса уцелело лишь несколько передних зубов, но он обнажил их все, забирая стаканы.

— Ждешь не дождешься завтрашней ночи, Сью? — заорал он. — Сколько уж воды утекло, а?

Грудастая и взмокшая Сью Суини за стойкой не ответила. Но ее щеки, шея и глубокая ложбинка между грудями, и без того розовые от жары, начали

багроветь. Цикада вспомнил, какой у нее был вид, когда по радио передали ту самую новость. А вскоре прибежал Чудик Лэм, вопя как резаный: «Тревор позвонил родным и предупредил, что возвращается!» В ту минуту Сью не покраснела, а побледнела. Стала белой. Он уж думал, она лишится чувств. И не потому, что в пабе сидел Лес Хьюит. Хотя, Бог свидетель, жутко было смотреть, как каменеет лицо Леса, как его кулаки сжимаются, а Чудик все никак не уймется, заливаается, будто выиграл в лотерею.

Утешить Леса было нечем. И он просто встал и ушел, оставив свой стакан на стойке. Наверное, домой направился, сообщить известие бедной Долли. Или просто сбежал, чтобы сгоряча не наломать дров.

С ощущением тяжести в желудке Цикада вперевалку расхаживал вдоль стойки, машинально собирал пивные стаканы, принимал деньги, давал сдачу. И украдкой поглядывал на Сью: с поджатыми губами и разгоревшимися глазами, она лихорадочно работала, и одинаковые темные пятна расплывались под мышками на ее тугой желтой блузке. А что там и как со Сью — ему нет дела. Уже нет. Пусть чем угодно занимается с Тревором Лэмом. А что такого? Ведь она никому не отказывает.

Шесть лет назад, когда Сью только приехала сюда, ему было дело — ну, если вдуматься, может, не до нее самой, зато к ее большим мягким грудям, тяжелым, плотно сдвинутым бедрам, жадному и опытному рту.

Господи, как же его ко всему этому тянуло! Сью Суини вытворяла с ним и для него то, о чем с Шэрил и заикаться не следовало. Господи, да они с Шэрил были женаты уже полгода, а самое большее, что она ему позволяла, — задрать подол ее ночной рубашки в субботу вечером. А потом лежала, зажмурившись, в ожидании, когда все закончится. Ничего странного, если вспомнить, какая она была. Но он ничего не пони-

мал, пока Шэрил не ушла. Только тогда его как обухом огрели.

Вся эта история сломала Цикаду. Ему даже стало казаться, будто он и не мужчина вовсе. Да вдобавок об этом узнали все. Энни Лэм постаралась, разболтала, как ни пытался Кит заткнуть ей рот. Весь Хоупс-Энд, до последнего поденщика на ферме, зубоскалил за его спиной. Разумеется, в глаза ему ничего не говорили, приходя в паб, но все было ясно и по выражениям лиц. Любопытным. Снисходительным. Жалостливым. А, так вот он какой, этот бедолага, жена которого...

Вскоре Цикада понял, что надо искать, кто бы заменил Шэрил в баре. В одиночку он не справлялся. И он дал объявление. Так и появилась Сью Суини. Принимая ее на работу, Цикада думал, что из нее получится хорошая буфетчица. Так и вышло. Гораздо лучше, чем Шэрил. Работу в баре Шэрил никогда не любила. И часто раздражалась и злилась в дни выплаты пособий, когда в пабе было не протолкнуться. А Сью была не такой. Для нее чем больше посетителей, тем лучше. За стойкой бара в Хоупс-Энде она обосновалась так прочно, словно здесь и родилась. С местными перешучивалась, будто знала их всю жизнь. В комнате, где Цикада поселил ее — пристроенной над старой конюшней, где он устроил гараж, — Сью научила его кое-чему. Двух недель не прошло, как Цикада решил: ему здорово повезло, что Шэрил его бросила. Наконец-то он понял, какой может быть жизнь мужчины.

Это было как порнофильм наяву. Цикала чувствовал себя старым кобелем, которому безраздельно досталась течная сучка. Несколько месяцев жил как во сне. Позорился у всех на виду. Не мог от нее оторваться. Вскоре он ей наскучил. Захотелось притормозить. Об этом свидетельствовало множество мелких знаков и намеков. Цикада чувствовал это, но старался не замечать. Позднее думал: если бы и он

тогда придержал коней, все могло пойти совсем по-другому, однако он был словно пьян Сью. Слетел с катушек.

Цикада принялся возить ей гостинцы из города. Стекланные вазочки, украшения, духи. Даже цветы. Она уверяла, что ей ничего не нужно, но он настойчиво ей подарки и каждую ночь являлся к ней после закрытия паба. Словно со стороны видел себя: вот он перебегает через двор и спешит вверх по лестнице в комнату над гаражом — в одной руке очередное подношение, в другой, так сказать, — нетерпеливо подрагивающий член.

К тому времени он, наверное, Сью уже осточертел. И она удивлялась, как ее угораздило связаться с ним. Но не отказывала ему и не гнала прочь. В то время со смехом принимала все, что могла дать ей жизнь, — и хорошее, и плохое. Брала все, что он только мог дать теми ночами, валила его в постель, скидывала с себя одежду и забиралась на Цикаду верхом, а он, как безумный, зарывался лицом в ее теплые, сладко пахнущие груди, живот, бедра и ягодицы.

Он догадался, что она играла. Старалась поддерживать в себе интерес. Расплачивалась. Может, думала, что он выгонит ее, если она ему откажет. А потом к ней начал подкатывать Тревор Лэм. Хотя и полутора лет не прошло с тех пор, как он женился на Дафне. К тому же Сью и Дафна сдружились. Но это его не остановило. И Сью, как выяснилось, тоже.

Цикада вспомнил ту ночь, когда он их застукал. Он вышел из паба во двор по какой-то надобности. Может, еще бочонок пива принести. Сейчас уже забыл напрочь. Зато не забыл то, что увидел во дворе. Сью Суини стояла, наклонившись вперед и упираясь руками в стену паба, юбка была задрана выше пояса, белая кожа словно светилась в темноте. А Тревор Лэм, стройный и черноволосый, вцепившись в ее

бедра крепкими смуглыми ручищами, накачивал ее, как мощный насос. Они услышали его. Наверное, он не сдержался и застонал.

Цикаду замутило. Даже сейчас при этом воспоминании на лбу выступил пот. Нахлынула боль. И нестерпимый стыд. Повернувшись, Сью потрясенно ахнула, потом попыталась что-то сказать ему — прямо в той же позе, головой к стене и голой задницей к нему. Тревор Лэм ослабился, сверкая белыми зубами и ни на секунду не переставая работать бедрами.

— Слушай, уже забирать начало, — ухмыльнулся он. — Не сбивай, а?

Цикада круто повернулся и ушел в дом. И продолжил подавать выпивку. Даже головы не повернул, когда Сью вернулась в бар через несколько минут. Но внутри у него что-то скукожилось, как сорняк, опаленный огнем.

Сью осталась работать в баре. А что такого? Буфетчицей она была хорошей. Зачем ему вредить себе, чтобы другим досадить? Между ними даже ни разу разговоров ни о чем таком не было. Цикада просто оставил ее в покое.

С Тревором Лэмом она продолжала встречаться. Тайно, чтобы не узнала Дафна. Но Цикада часто видел, как по ночам Тревор крадучись выходит из квартирки над гаражом. Все ясно. Он, Цикада, тут ни при чем.

А вскоре Дафна умерла. Маленькая Дафна Лэм. То есть Дафна Хьюит. И Цикада вместе с остальными стоял на улице и смотрел, как Тревор Лэма увозят через мост прочь из города. Потом Цикада обернулся и увидел, что у стоявшей в дверях Сью вид такой, будто ей влепили пощечину.

Об этом он с ней даже не заговаривал. И с остальными тоже. Пусть языками треплют другие. Почти все они считали, что Лэм и убил Дафну. Он же подонок. Это известно. А кое-кто думал, что Лэм не убивал, или только говорил, будто бы это не он. И в пер-